

Е. А. Пивнева
**«МЫ ОДНИ, НО МЫ ВСЕ РАЗНЫЕ»: ОБ ОБСКИХ УГРАХ,
 КЛАССИФИКАЦИЯХ И ИДЕНТИЧНОСТЯХ***

Термин *идентичность*, получивший сегодня широкое распространение в социально-гуманитарных науках, происходит от латинского слова, имеющего значение «тождество».¹ В самом общем понимании он означает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве. В вопросе об *этнической* идентичности принципиальное значение имеет смысловое наполнение «этнического», поскольку эта субстанция зависит от того, что считать этносом / народом / национальностью. По словам В. А. Тишкова, «в каждый данный момент, как в прошлом, а тем более в современном мире, рынок культурных маркеров для формирования “системного”, т. е. очерченного границами, этнически целого чрезвычайно разнообразен. Таксономические конструкции ученых, что есть локальная/этнографическая группа / подгруппа, “субэтнос”, “подразделение этноса”, а что есть настоящий этнос, являются крайне условными...».²

Классификации

В своей фундаментальной монографии «Ханты и манси: взгляд из XXI века» З. П. Соколова обращает внимание на слабую разработанность в этнологической литературе вопроса об этнических подразделениях, особенно в части дефиниций и терминологии: «Можно встретить более десятка терминов, относящихся к одним и тем же типам этнических подразделений: этническая группа, этническое подразделение или единица, этническое объединение, языковые группы, с одной стороны; областные,

местные, территориальные, этнографические, географические группы — с другой. Нередко такие группы названы просто “группами”, “подразделениями”, “образованиями”, “подгруппами”, “обособленными группами” и т. п.».³

Еще в 1970-х гг. З. П. Соколова предложила различать в качестве этнических подразделений хантов и манси «этнографические группы» и «территориальные группы», выделенные ею по лингвистическим, этнографическим и другим признакам (в частности, по «эндогамным зонам, или ареалам»)⁴ В последней редакции автора *этнографические группы* характеризуются «значительными языковыми отличиями (порядка групп диалектов, приравниваемых к самостоятельным языкам), этнографическими особенностями, самоназванием, заключением браков только в своей среде, расселением на большой территории; в основе их могут лежать разные этнические компоненты, отражающие своеобразие их этногенеза или этнической истории. Среди этнографических групп следует различать “изоляты” — сравнительно небольшие изолированные группы, отличающиеся большим этнографическим и языковым своеобразием, нередко оторвавшиеся от своего этноса и живущие в ином этническом окружении». *Территориальные (они же местные, географические, областные) группы* «отличаются некоторыми незначительными этнографическими особенностями в хозяйстве, культуре и быту, говорами или диалектами, местным самоназванием, отражающим географическое название местности, с преимущественным заключением браков внутри группы, расселенные на территории чаще всего замкнутого речного или горного региона».⁵ Эта классификация не потеряла своей актуальности и используется сегодня во многих работах, посвященных обским уграм. Так, среди хантов обычно выделяют три

¹ См.: Теоретическая культурология. М., 2005. С. 283.

² Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 121.

Пивнева Елена Анатольевна — к.и.н., ученый секретарь Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
 E-mail: info@iea.ras.ru

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

³ Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М., 2009. С. 313.

⁴ См.: Она же. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 186–210; Она же. Выявление этнических ареалов (на материале хантов и манси) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1978. С. 41, 42 и др.

⁵ Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. С. 313.

большие этнографические группы (северная, восточная и южная), среди манси — четыре (северная, восточная, южная и западная). Внутри них различают территориально-диалектальные и территориально-говорные группы, основные различия между которыми — языковые.⁶

Такое деление — лишь научная абстракция, инструмент познания объективной реальности, сложный характер и изменчивость которой (т. е. собственно социокультурного материала как объекта классификации), наряду с лингвистическими уточнениями, появлением новых этнографических данных и пр., неизбежно влияют на саму схему.⁷ Так, Е. П. Мартынова по совокупности признаков, отнесенных к этническим, выделяет у хантов пять «этнографических ареалов».⁸ Р. К. Бардина на основе «фамильного состава, родственных связей и поклонения определенным духам» дает характеристику семи локальных групп среди обских и нижнесосьвинских манси.⁹ Е. В. Перевалова замечает, что «в языковом отношении северные ханты относятся к угорской группе, в рыболовстве они — “угры”, в оленеводстве (особенно группа *хаби*) — “ненцы”, а в культовой практике сочетают самодийские и угорские традиции».¹⁰

На несовпадение в некоторых группах культурных особенностей с языковым делением (например, салымские ханты на основании языковой классификации относятся к восточной группе, а в культурном отношении — к южной) обращает внимание Е. Г. Федорова, которая ставит вопрос: «Какой же признак должен быть основным при выделении этнографических групп, на что нужно ориентироваться в первую очередь — на язык или культуру?»¹¹ В отношении манси она считает

целесообразным объединение южных и восточных групп в одну. Число же территориальных групп увеличивается вследствие выявления различий в культуре и языке населения верховой и низовой притоков Оби, а также по причине появления новых образований, сложившихся уже во второй половине XX в.¹² Для групп, утративших часть классификационных признаков, прежде всего язык (это относится, например, к южным хантам и восточным манси), Е. Г. Федорова предлагает термин «локальная группа».¹³

Мне представляется, что здесь важен не столько сам термин (хотя и это необходимо), сколько его сущностное наполнение,¹⁴ изучение которого может приблизить нас к постижению феномена этничности. До сих пор систематизация культурного материала осуществляется в основном в рамках неких априори заданных целостностей, таких как «ханты» и «манси» (как народ / этнос), но реальность самих этих целостностей в определенном смысле может быть подвергнута сомнению. Как было отмечено выше, существует множество территориальных / локальных / этнолокальных групп обских угров, более или менее самобытных по языку и культуре. В то же время соседние группы хантов и манси отличаются большим сходством между собой, а также с другими территориально близкими народами, нежели удаленные друг от друга группы одного народа. Так, кондинские ханты ближе к кондинским манси, чем, например, к обдорским хантам; ваховские ханты ближе к тазовским и тымским селькупам, чем к кондинским хантам, а иртышские оседлые ханты ближе к татарам, чем к северной группе своего народа, и т. д.¹⁵

З. П. Соколова пишет: «Существование таких групп <этнографических и территориальных>, например, у хантов вплоть до 1917 г. и даже несколько позднее позволяет предпола-

⁶ Подробнее об этом см.: Она же. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 127, 128; Она же. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990. С. 26 и др.

⁷ На условный характер предложенной классификации обращает внимание и сама З. П. Соколова (см., например: Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов. С. 126, 127).

⁸ См.: Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.

⁹ См.: Бардина Р. К. Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII — начале XXI века. Новосибирск, 2009.

¹⁰ Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 304.

¹¹ Федорова Е. Г. К вопросу об изучении локальных групп обских угров // Обские угры: научные исследования и практические разработки: Материалы Всерос. науч. конф. VII Югорские чтения (19 ноября — 2 декабря 2006 г. г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2008. С. 25.

¹² См.: Она же. Там же. С. 25, 26; Она же. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994. С. 258.

¹³ Она же. К вопросу об изучении локальных групп обских угров. С. 27.

¹⁴ Представляется верным замечание некоторых исследователей о том, что трудность выделения комплекса признаков, типичных для всех локальных групп обских угров, вызвана большим разнообразием данных групп. Сама географическая среда ставила население различных зон «хантыйской» и «мансийской» земли в неодинаковые условия (см., например: Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 71–89; Мартынова Е. П. Указ. соч. С. 3; Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 214).

¹⁵ См.: Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 571.

гать, что они до недавних пор *не считали себя единым народом* (курсив мой — *Е. П.*). Их изолированность, собственные самоназвания свидетельствуют о бывшей разобщенности. Существовавший ранее официальный термин «остяк» был им известен, но сами они себя называли своими самоназваниями». ¹⁶ При этом, как замечает, например, И. Н. Гемуев, сами обитатели того или иного речного бассейна осознавали свою региональную общность, да и «с точки зрения невольных сторонних наблюдателей они действительно представляли собой таковую. <В то же время> этот фактор препятствовал (и воспрепятствовал) формированию единой этнической культуры». ¹⁷ Таким образом, еще в первой трети XX в. ни ханты, ни манси не представляли собой гомогенные этнические структуры. В их составе (на уровне «этнографических групп») можно выделить, по меньшей мере, семь самобытных по языку и культуре этнических общностей. ¹⁸

С другой стороны, не лишено логики и объединение хантов и манси в рамках более крупной таксономической единицы. Не случайно в научной литературе эти народы часто рассматривают вместе, подчеркивая общность их происхождения, близость их языков и культуры. З. П. Соколова справедливо указывает на недостаточную изученность вопроса о сходстве и различии культур хантов и манси. Однако то, что нам известно, — считает она, — говорит о значительных различиях в их хозяйстве и культуре. «Во-первых, ханты и манси — два разных, хотя и близкородственных народа. Тем не менее в культуре хантов и манси больше общего, чем разного. Манси формировались западнее территории их современного проживания и расселения, ханты — восточнее. Именно поэтому, вероятно, мансийский язык ближе к венгерскому, чем хантыйский. Во-вторых, сходство хантов и манси прослеживается особенно часто и ярко в культурных явлениях их северных групп. В-третьих, угорские (южные, индоиранские) черты в большей степени свойственны тем же северным группам хантов и манси. В то же время наблюдаются некоторые черты сходства культуры восточных хантов и восточных манси...». ¹⁹ Тем не

менее, так ли уж неправ был Б. О. Долгих, говоря об условности существующего деления обских угров на хантов и манси? ²⁰ И кто знает, какая этническая идентичность была бы у современных хантов и манси, если бы созданный в 1930 г. национальный округ назвали, например, «Югорским»? Кстати, именно в таком контексте можно сегодня рассматривать процесс формирования региональной идентичности в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре.

Идентичности

«*Мы одни, но мы все разные*», — сказал мне Т. А. Молданов, один из ярких представителей современной этнонауки. Пожалуй, эта фраза отражает основные вопросы, которые хотелось бы обозначить в настоящей статье. Что применительно к обским уграм можно считать этническим целым, а что — его частью, и на чем основывается такое деление? От чего зависит единство и как оно сопряжено с этнической идентичностью? Выдержка из рассказа Тимофея Алексеевича Молданова удачно, на мой взгляд, иллюстрирует хитросплетения разного рода идентичностей:

«Если Юрий Кылевич Вэлла <ненец> и мой дядька Афанасий Сергеевич Молданов <хант> рядом сядут, они очень даже похожи, хотя тот Вэлла, а этот — Молданов. Так как Юрий Кылевич в другом месте прожил жизнь, он поэтому немного другой ненец. <...> *Тут этносом и не пахнет. Языки разные, все разное, но мы одна группа.* <...> Это связано с чем: *богиня одна, потом территория.* Если рядом олень пасем, олени переходят друг к другу. Надо поддерживать отношения. <...> Но, конечно, главное — *богиня одна, по богине считаемся братьями.* <...> Если казымско-надымскую группу брать (Вэлла и Молдановы), они назывались «хранителями оленьих стад Казымской богини». А Торум щир ёх — это более большая группа. <...> Но Вэлла никогда не считались Торум щир ёх. Казымская богиня, да, они внуки Казымской богини. Но Торум щир ёх — нет, потому что они ненцы. *При этом знают, что они ненцы, но они все равно наши.* <...> А у низовских очень хорошо находят различия. Эти оленями не занимаются, а если занимаются, у них полностью закрыто изгородями. Это *отличает верховских и нижних.* <...> Если в самом

¹⁶ Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. С. 314.

¹⁷ Гемуев И. Н. Река и этнос (к вопросу о роли изолированных речных бассейнов в формировании культуры) // Природа и цивилизация. Реки и культуры. СПб., 1997. С. 134.

¹⁸ См.: Головнёв А. В. Указ. соч. С. 80.

¹⁹ Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. С. 316, 317.

²⁰ См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 58 (Тр. Ин-та этнографии. Новая сер. Т. 55).

Казыме ненцы есть, они просто уже переняли жизнь хантыйскую. Полностью. У ненцев внизу, если от среднего течения подалее поедем, у них нет коралей. Это чисто ненецкое. А только к ненцу-ханту попадаешь, даже если у них нет оленей, но кораль все равно есть. Вот у хантов особенность такая. И Вэлла тоже такие же, совсем одинаковые. <...> Что я могу сказать. У нас сильно смешанная группа. Видимо, у нас еще корни южнохантыйские есть. <...> В фольклорной памяти нет этого, но у нас есть сильно почитаемая богиня с верховий Иртыша. Только в верхнем Казыме она почитается. Их дорога через нас проходит, они могли остаться. <...> Наша богиня жила в верховьях Сосьвы. У нее братья манси. Из Сосьвы она едет в низовья Оби, замуж выходит за ненецкого бога. Они там ругаются, и она едет на Казым, и в верховьях Казыма начинает жить. У нас даже духи-покровители с сосьвинскими манси одни <...> На самом Медвежьем празднике большой фонд общих песен <с манси>. Если Регули записывал это 150 лет назад, я записывал совсем недавно эти песни, сюжеты все одинаковые. Авдеев записывал в 1930-е гг., все то же самое, что сегодня у хантов. Карьялайнен еще заметил, что есть общий фонд песен».²¹

Здесь можно найти не менее пяти признаков, лежащих в основе групповой отличительности. Не вдаваясь в подробности,²² остановимся лишь на одном сюжете. Как представляется, для понимания сущности отношения «мы — группа» далеко не последнее (если не первостепенное) значение имеет учет особенностей традиционного мировоззрения аборигенных народов.²³ Речь идет, прежде всего, о взаимоотношениях людей с духами-покровителями, метафорическое родство с которыми порождало в прошлом особую систе-

му связей и задавало свою систему координат для разного рода и уровня идентичностей.²⁴ Это «родство» сохраняет в определенной степени свою актуальность и в настоящее время как один из важных факторов этничности.²⁵

Огромное число божеств и непростой характер их взаимоотношений создают дополнительные трудности при выявлении реальных социальных структур и сопряженных с ними идентичностей, поскольку в сложном переплетении связей человеческих приходится учитывать и отношения людей с духами / к духам, а также между духами. Возможно, именно сейчас, когда в изучение аборигенной культуры активно включились ее представители, «взгляд изнутри» приведет к качественным сдвигам в данной области научного знания. С другой стороны, некоторые исследователи — представители народов Севера сами находятся подчас в плену существующих научных схем и конструкций, «загоняя» оригинальный материал в заданные ученой мыслью рамки. Академические категории влияют и на обыденный уровень сознания аборигенных народов. «Мы считали себя южными манси, потому что занимались хлебопашеством, а северные-то не занимались, в самом деле, мы восточные», — сказала мансийская писательница А. М. Конькова, уроженка д. Евра, в своем интервью Еве Шмидт.²⁶

Существует мнение, что невозможно понять, «кто мы», без ответа на более сущностный вопрос «где мы?», т. е. какова та практическая среда, в которой осуществляется жизнедеятельность человека. Ощущение своей тесной связи с определенной средой, чувство личностной «принадлежности» к ней являются основой пространственной идентичности.²⁷ Для обских угров важнейшим фактором формирования такой идентичности были реки бассейна Оби.²⁸ В одном из хантыйских преданий герою говорит о себе: «Я человек, имеющий

²¹ ПМА. г. Ханты-Мансийск, 2006 г. Курсив мой — Е. П.

²² В одной из статей сам Т. А. Молданов выделяет группы семей хантов и лесных ненцев бассейнов рек Надым и Казым в единую оленеводческую общность на следующих основаниях: «общность территории двух этносов, аналогичная хозяйственная деятельность, наличие одинаковых элементов материальной культуры (средств передвижения и др.), а также почитание одного и того же духа-покровителя (Казымской богини)» (см.: Молданов Т. А. Обряд, проводимый перед гоним оленей у хантов и ненцев р. Казым // Обские угры: научные исследования и практические разработки: Материалы Всерос. науч. конф. VII Югорские чтения. Ханты-Мансийск, 2008. С. 125).

²³ Библиографию на эту тему см., например: Бауло А. В., Кулемзин В. М. Мировоззрение и культурная практика // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М., 2006. С. 166–183; Гемуев И. Н. Мировоззрение, мифология и культурная практика // Там же. С. 278–298.

²⁴ «Все духи независимо от направленности своих функций имели очень большое значение как сила, объединяющая народ», — отмечает В. М. Кулемзин (Мировоззренческие аспекты охоты и рыболовства // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 69).

²⁵ См., например: Карапетова И. А., Соловьева К. Ю. Образ хозяина Югана «Явун-ики» как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею З. П. Соколовой. М., 2000. С. 202.

²⁶ Детство и юность Анны Коньковой в мансийском поселении. Томск, 2005. С. 24.

²⁷ См.: Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 76.

²⁸ См., например: Природа и цивилизация. Реки и культуры. СПб., 1997; Реки и народы Сибири. СПб., 2007.

свою реку, я человек, имеющий свою землю». Возвращаясь из далеких стран, богатырь обращается к своим оленям: «Ну, объезжающие реки дорогие олени, объезжающие земли милые олени, поищите край своей реки, поищите край своей земли».²⁹ Связь с территорией проявляется здесь в форме присвоения (река — своя земля).

Тема «своего» на обско-угорском материале убедительно и образно раскрыта А. В. Головнёвым: «Своим является осмысленное (в духовной сфере), освоенное (в экологической среде), созданное (в материальном отношении), обобщественно-присвоенное (в социально-нормативной области). Осмысленный, освоенный, созданный, обобществленный мир явлений и предметов образует культурную нишу человека».³⁰ При этом развитие культуры в сфере «своего» возможно лишь в рамках личностной среды, т. е. именно человек является носителем и генератором культуры.³¹ И идентичность может быть атрибутирована лишь человеком, поскольку, — как пишет В. С. Малахов, — «только индивиды обладают качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определенные значения. Приписывать идентичность группам позволительно лишь в переносном, метафорическом смысле <...> на деле такие образования не представляют собой устойчивых единств, а распадаются на множество более мелких — в конечном счете на индивидов, которые только и могут идентифицировать себя в качестве членов той или иной группы».³²

Что касается групповой этнической определенности, этот вопрос на материале обских угров изучен пока недостаточно. В контексте данной проблемы представляется важным точно подмеченное в свое время С. А. Токаревым свойство этнических общностей основывать свое функционирование на гибкой и динамичной системе связей, совокупность которых всегда определяет на данный момент истории народа осознание общностью своего единства.³³ В продолжение этой мыс-

ли В. В. Карлов замечает, что «система связей в любом обществе есть несущая конструкция, скелет, на котором зиждутся все без исключения подсистемы его функционирования и которым определяется культура и деятельность человека. Этнические культуры, таким образом, есть лишь свойственные этническим подразделениям человечества вариации организации способов адаптации в среде, выражаемые конкретными формами связи в природе и обществе, способами деятельности, а также рожденными ими этническими особенностями мировосприятия».³⁴ Сказанное относится к таким этническим общностям, как народ / этнос. Возникает вопрос, существует ли этнокультурная определенность (вернее, этнокультурные определенности) в рамках выделяемых на основе этих принципов целостностей?

Тема связей, форм и разновидностей общения рассматривается в угроведческой литературе в различных контекстах. Так, А. В. Головнёв говорит о «насыщенности общения» угров и самодийцев как основе выделения территориальных (хозяйственно-транспортных) и языковых ареалов. «Оно измеряется не шириной контактов вообще, а объемом устойчивых (бытовых) взаимосвязей, которые в свою очередь обусловлены особенностями хозяйственного цикла».³⁵ Об интенсивности общения (хозяйственно-бытового, торгово-обменного, культово-ритуального и т. д.) как основе формирования локальных групп пишет Е. В. Перевалова.³⁶ «Для этнической консолидации народа необходимо наличие устойчивых связей разного плана — экономических, социально-политических, культурных. Их установление и функционирование во многом обеспечивается «плотным» в территориально-поселенческом отношении размещением одноязычного населения, когда устанавливаются коммуникативные цепочки от селения к селению. В XVII–XIX вв. такой благоприятной демографической ситуации в Северном Приобье не существовало», — замечает Е. П. Мартынова.³⁷

Каждый индивид (или группа) в прошлом являлся членом какой-либо семейной

²⁹ Павлинская Л. Р. Образ космической реки в сакральной традиции угров Сибири // Природа и цивилизация. С. 161.

³⁰ Головнёв А. В. «Свое» и «чужое» в представлениях хантов // Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 7. М., 1991. С. 187–224.

³¹ См. об этом подробнее: Там же. С. 188.

³² Малахов В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 78.

³³ См.: Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопр. фило-

софии. 1964. № 11.

³⁴ Карлов В. В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010. С. 464.

³⁵ Головнёв А. В. Говорящие культуры... С. 78–80.

³⁶ См.: Перевалова Е. В. Указ. соч. С. 211.

³⁷ Мартынова Е. П. Указ. соч. С. 206, 207.

группы, общины, волости. Такие социально-административные образования, как волости, были связаны с локальными этническими группами коренного населения, которые рассматриваются «как первичные ячейки этнической структуры обских угров (этнические микрообщности) и как наиболее крупные социальные единицы». ³⁸ В числе маркеров относительно устойчивых этнокультурных единиц и связанных с ними идентичностей у обских угров, вероятно, можно выделить групповые самоназвания *ёх* (хант.) и *махум* (манс.) — «люди» (в привязке к названию конкретной местности). З. П. Соколова отмечает, что подобные группы у хантов и манси характеризуются различиями в языке (диалектными или говорными), хозяйстве и культуре, а территория их расселения «совпадает с границами одной или нескольких волостей, с преимущественным заключением браков внутри группы». ³⁹ Е. Г. Федорова соотносит само название *махум* (в сочетании с топонимом) с территориальной группой, отличительными признаками которой, по словам самих манси, являются особенности языка, поклонение определенному божеству-покровителю данной группы («какому богу молятся») и специфика в элементах одежды. ⁴⁰ Почти каждое речное сообщество обских угров разделяется на «верхних», «средних» и «нижних», ⁴¹ в связи с чем для них характерны такие названия, как *ным шоп хантэт* («нижнего течения народ»), *нум шоп хантэт* («верхнего течения народ») ⁴² и др. Жители бассейна одной реки назывались

у хантов *тата мув ях(ёх)* («здешней земли люди»). ⁴³

Общехантыйское и общемансийское единство в прошлом прослеживается слабо. ⁴⁴ Дисперсное расселение обских угров на обширной территории, как было сказано выше, затрудняло формирование и оформление этнической целостности. Есть мнение, что долгое время развитие обских угров шло главным образом в рамках именно территориальных / локальных групп, а «окончательное оформление этносов оказалось возможным лишь в XX в., когда за обскими уграми, проживающими преимущественно по левым притокам Оби и в Зауралье, было закреплено название манси, а за населением низовьев Иртыша, Оби и ее правых притоков — ханты». ⁴⁵ Соглашаясь с оценкой роли «внешнего» фактора в формировании этнической идентичности хантов и манси (это относится, в частности, к созданию национальных округов и паспортизации), я бы подвергла сомнению утверждение о том, что поставлена финальная точка в оформлении этнического облика этих народов. Сегодня мы являемся свидетелями того, как в условиях глобализации, тесного взаимодействия и взаимовлияния различных этнических культур идет процесс складывания новых социально-культурных конфигураций и форм этнической идентичности народов Севера. При этом идентичность индивидуальная, основывающаяся на интересах и обязательствах отдельных людей, стала играть большую, нежели коллективная идентичность, роль. Вопрос «Ханты. Манси. Кто мы?» ⁴⁶ остается открытым.

Ключевые слова: *обские угры, этнографические и территориальные группы, классификация, социокультурная сложность, этническая идентичность, этничность*

“IT’S THE SAME US, BUT WE ARE ALL DIFFERENT”: ABOUT THE OB UGRIANS, CLASSIFICATIONS AND IDENTITIES

The article is about the ethnic identity of the Ob Ugrians (the Khanty and the Mansi). It discusses the notion of group as the object of classification and ethnic substance. Criteria and factors of collective identity have been reviewed. The author made a conclusion that the socio-cultural complexes of the Khanty and the Mansi were not homogeneous and had distinct differences even in the first third of the 20th century, which reflected the specifics of settlement and economy patterns of these peoples.

Elena A. Pivneva

³⁸ Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992. С. 34.

³⁹ Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов. С. 126; Она же. Эндогамный ареал... С. 24, 25 и др.

⁴⁰ См.: Федорова Е. Г. Северные манси в последней четверти XX века // Этнография народов Западной Сибири. С. 301, 302.

⁴¹ Головнёв А. В. Говорящие культуры... С. 261.

⁴² Первалова Е. В. Указ. соч. С. 211.

⁴³ Мартынова Е. П. Указ. соч. С. 208.

⁴⁴ Вопросы об общих самоназваниях хантов и манси остаются дискуссионными (см., например: Народы Западной Сибири... С. 59, 200).

⁴⁵ Федорова Е. Г. Обские угры: вехи этнической истории // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999. С. 63, 64.

⁴⁶ Ханты. Манси. Кто мы? / Под ред. Ю. Шесталова. Ханты-Мансийск, 1993.